

Сцена из спектакля «Седые волосы моей матери».
В центре — народная артистка РСФСР З. БИКБУЛАТОВА.

ТЕАТР

ОБРЕТАЯ СВОЮ ТЕМУ

Т. БРАСЛАВСКАЯ

ПУСТЬ не сочтут кодушеством гости столицы, те, кто представлял в ней Башкирский Государственный академический театр драмы, что эти заметки о трех показанных ими в Москве спектаклях будут начаты словами явно отрицательного персонажа пьесы А. Мирзагитова «Седые волосы моей матери»: «Человек — хозяин жизни, он должен быть свободен».

Если отбросить паразитический смысл, который вкладывал в них тунец Гоша, можно эти слова могли бы стать эпиграфом к своеобразному сценическому триптиху, который мы увидели на сцене Кремлевского театра («Магомет» Ф. Вольтера, «В ночь луниного затмения» М. Карима, «Седые волосы моей матери» А. Мирзагитова).

Гуманистическая тема победы человеческого разума, освобожденного от пут фанатической веры, ярко и талантливо правдива в спектаклях «Магомет» и «В ночь луниного затмения».

О трагедии Мустая Карима и ее сценическом воплощении в Башкирском театре драмы уже много писалось и говорилось. (В частности, рецензия на этот спектакль была опубликована в «Литературной России» за 26 марта 1965 г.) Эта пьеса-легенда всем своим пафосом, всем высоким настроением своей мысль обращена в современность. Спектакль «В ночь луниного затмения» стал как бы камерным творческим поиском этого коллектива, его возможностей и свершений. В нем мы увидели уверенный, от-

меченный индивидуальным своеобразием режиссерский почерк заслуженного деятеля искусств БАССР Ш. Муртазина, который затем узнал в «Магомете». Его особенность — в стремлении сочетать внутреннюю эмоциональность и колоритность, свойственные национальной сущности башкирского театра, с мужественным лаконизмом внешне выразительных средств. Ш. Муртазина уводит от воспроизведения скрупулезной достоверности быта в этнография во имя правды человеческих чувств и мыслей. Оба спектакля стоят в ряду глубоко современных произведений сценического искусства.

Подлинным соавтором драматурга в режиссера в спектакле «В ночь луниного затмения» является народная артистка РСФСР З. Бикбулатова, создавшая трагический образ Такибике. Так поздно прозревшая, она стала жертвой ею же почитаемых и поддерживаемых «законов» и «традиций», из-за которых погубил ее сын Аккебет и его любимая Зубаржат, не желавшие покориться темным силам, оставшим на пути их юной любви.

Успех «Магомета» во многом был предопределен уже самим выбором этого произведения Вольтера, впервые поставленного на советской сцене.

События пьесы, происходящие в 630 году в Мекке, раскрываются не только в острокофликтных сюжетных ситуациях и столкновениях, но, и это главное, в борьбе человеческих характеров. Сила страстей героев, обусловленная трагическим жанром произведения, во многом определила ту идеальность и сочность кра-

сок, которыми пропитан этот романтический спектакль.

Колоритны не только декоративное оформление, костюмы, гримы (художник заслуженный деятель искусств РСФСР Г. Имашева), но и каждый персонаж... Законченная скульптурность мизансцен соперничает с отточенной пластичностью движения актеров, напевность речи — с богатством темпераментов.

И все же пафос этого спектакля не в его внешней выразительности, не в бурности эмоций, а в остроте мысли, устремленной в современность и придающей ему открытую публицистическую направленность.

В спектакле отчетливо и гневно звучит не только вольтеровский протест против всяческого мракобесия и суевия, солгующих духовному порабощению человека, но обнажается тупость застывшей мысли, позволяющей великому обманщику и бесчеловечному деспоту превращать людей в рабов.

Фундаментом господства Магомета, этого «Тартюфа с оружием в руках», были фанатизм и демагогия, она развела людские души и притупляла их разум.

«Кто думает — тот верить не рожден; Послушное молчание — вот в чем слава!» Эти слова Магомета, как молитву, повторяют юные герои трагедии Сант и Альмира, но эти же слова «садиного пророка» становятся ключом к разгадке тайны его власти над людьми и превращаются в грозное оружие взбунтовавшегося человека.

Этот бунт разума, разбуженного любовью и свободой смерти поправшего рабскую веру, утверждает Альмира — Г. Мубарякова. Прекрасная рабыня Магомета, обреченная на трагическую любовь к своему брату Санту, Альмира — Г. Мубарякова стала тревожной в мятущейся душею этого спектакля. Красота ее высоких чувств и их внешнее выражение находится в счастливой гармонии. Молодая актриса, следуя романтической стилистике спектакля, во многом обогащая ее, точно несет мысль этого важного вольтеровского образа, раскрывает его эволюцию от фанатического обожествления Магомета до великой ненависти к нему. И на этом сложном пути человеческого прозрения у артистки много точных психологических подробностей и эмоциональных открытий.

Образ юного воина Санта, ставшего слепым орудием в руках Магомета для свершения мести против Сафара, убежденного врага лжепророка, в идейной значимости соперничает у Вольтера с образом Альмира. В спектакле Сант в исполнении молодого артиста Г. Хасанова пылко и страстно олицетворяет красоту юного чувства, и сожалею, подчас в ущерб мужеству мысли.

Сарказм французского классицизма, его злоба бичующая ирония нашли свое отражение в образе Магомета, каким его создает М. Султанов. В исполнении актера, острого и умного, ощущается гражданская позиция человека сегодняшнего дня. Актер, идя вслед за режиссерским решением, раскрывает не только силу этого «наместника бога на земле», но и его прогрессирующую слабость, возрастающую в прямой зависимости от усиления сил разума его рабов.

И все же, отмечая уже достигнутое и обретенное и режиссером, и актером в роли Магомета, неверное, целесообразно было бы пожелать большего углубления философской сути этого обобщенного вольтеровского образа, некоторого его укрупнения. Ведь как-никак, а Магомет был основателем одной из самых распространенных религий — ислама, а не рядовой служитель культа.

Итак, торжество разума и свобода человеческого духа! Как же театр решает эту тему на материале нашей действительности?

Трудно судить об этом нам, увидевшим только один современный спектакль — «Седые волосы моей матери». Пьеса Аслата Мирзагитова — произведение о жизни башкирской молодежи. Она поднимает вопросы, связанные с правильным воспитанием подрастающего поколения, говорит о том, что воспитание это должно быть не только мягким и проникновенным, но также мудрым и суровым.

В центре пьесы и спектакля — образ матери, переживающей трагедию. Талантливый хирург, умная и мужественная женщина, Зайнаб в годы войны потеряла горячо любимого мужа. Мать детей, оставшихся без отца, она все свои силы, любовь и время отдавала дочери Джамиле и сыну Юндузу. Щедрость материнской ласки не знала границ... Однако умный и, казалось бы, талантливый Юндуза связался с сомнительной компанией, бросил институт, а затем и завод, куда, было, поступил работать, стал пьянствовать и бездельничать, а потом совершил пусть невольное, но преступление.

Спектакль, поставленный режиссером Р. Аюповым, к сожалению, не поднимает выше пьесы, которая страдает схематизмом и поверхностностью в психологической разработке характеров. Герои пьесы и спектакля пассивны и, по сути, являются лишь носителями той или иной сюжетной функции. Доброе намерение автора разрешить актуальные морально-этические проблемы сегодняшнего дня не пошло, к сожалению, дальше мелодраматического рассказа о горе матери, утерявшей сына. Очень многому приходится в спектакле верить на слово, так как даже хорошим актерам не под силу полностью оживить схемы образов пьесы.

Из этой трудной борьбы с наименьшими потерями выходит З. Бикбулатова, которая много дополняет и характере Зайнаб силой своего человеческого обаяния и своеобразия актерской индивидуальности. Скучность и лаконизм собственной ей художественной манеры снимают открытую надридность и излишний мелодраматизм многих сцен.

Мягко, тепло и в чем-то трогательно играет своего героя Арслана М. Султанов. Этот простой парень стоит намного выше «рафинированного» Юндуза с его «сомнениями, помыслами и увлечениями», о существовании которых зритель также может лишь догадываться. Султанов пытается раскрыть незаурядность натуры своего героя, талант его рабочих рук, ума и сердца.

Той же мерой хорошего вкуса и подлинной органики отличается исполнение молодой артистки З. Атнабаевой в артиста Ш. Рахматулина.

Искренне и просто поведала Джамиле — Атнабаева о своей любви к людям и к жизни. Любовь этой девушки — любовь активная, действенная, живая. Актриса убеждает нас, что Джамиле поможет брату встать на правильный путь, возьмет новые силы в раненом сердце матери, заставит о многом задуматься чуждого карьериста и охотника за славой — влюбленного в нее студента-медика (Маркава (Х. Аюуллин)). Ш. Рахматулин во многом спасает даже такую шаблонную роль, как роль Гоши, давно уже ставшую штампом на сцене.

И все же театр не выходит победителем в попытке обогатить драматургию сценическими средствами. Слабость и склонность к мелодраматизму присутствуют и в режиссуре, и в исполнении многих ролей этого спектакля.

Все это могло бы вселить тревогу и настороженность, если бы не было известно, что «Седые волосы моей матери» — одна из старых работ этого коллектива, который сегодня способен решать и решает (мы в этом убедились) художественные и идейные задачи куда более сложные.